

1

1

ПАСТЫРЬ ИЗ ЕПИФАНИ

**Очерк жизни протоиерея
Михаила Федоровича Чудакова
(1923-1990)**

Епифань? Что это такое – город или страна, настоящее или из народной фантазии? "Дождик, дождик, перестань, я поеду в Епифань Богу помолиться, Христу поклониться!" – так пели мы в детстве, прыгая по пузырящимся от ливня лужам... Дети так пели, не думая никуда ехать. Но Епифань не фантазия, а древний русский, хотя и маленький город, в прошлом купеческий, расположенный очень живописно над Доном, нешироким здесь, вблизи Куликова поля. Это Тульская земля. "Глубинка", как говорили о местах, может быть, и не столь далеких, но куда добираться нелегко – надо пересаживаться с автобуса на автобус, простаивая часами на остановках. Никто не ехал в Епифань молиться, так как большой Никольский собор полуразрушен (но на нем чудом сохранился старинный золотой крест), а церковь святого Иоанна Крестителя на кладбище, перестроенная из часовни, хотя и действовала, но была мала и неприглядна. И вот Господь призрел на это сирое место и возлюбил его. Люди православные поехали в Епифань Богу молиться, Христу поклониться, столько их поехало, что и храму не вместить, и транспорту не справиться... Как же это случилось? А так – выпестовал Господь пастыря, хорошего батюшку русского, и прислал в Епифань.

Он родился в июле 1923 года в селе под Богородицком (это городок недалеко от Епифани), в благочестивой крестьянской семье. Родителей его звали Федор и Анастасия. Они не крестьянствовали, но имели свое небольшое хозяйство. Отец работал кочегаром в пекарне, а мать хлопотала по дому и воспитывала детей – Мишу и Машу. Время было голодное. Федор подбирал в золе горелый хлеб и кормил им не только свою семью, но и многих голодных. Анастасия же, соблюдая с детьми все посты, делала из молока (у них была корова) творог и масло, а перед церковными праздниками посылала Мишу и Машу с этими продуктами к солдатским вдовам, одиноким старикам, в многодетные семьи.

Родители, имея страх Божий, с малолетнего возраста водили своих детей в церковь и приучали их к домашней молитве. Отец

Михаил рассказывал, что с малолетства помнил, как мать его молилась перед иконами, а он и сестренка стояли на коленях у ног ее, глядели, как она молится, и, подражая ей, старательно крестились. Среди икон была у них одна старинная, изображающая Страшный Суд, - на нее действительно нельзя было смотреть без страха. Отец Михаил эту икону запомнил на всю жизнь - через нее Господь начал и ему внушать страх Божий. Михаил имел твердую память, хорошо запоминал молитвы и порядок церковной службы. Был у него от природы и красивый голос. Услышав клиросное пение, он начал петь и потом всегда имел к церковному пению особенную любовь.

Школу он окончил в Богородицке. Несмотря на то, что у него не было ни учебников, ни тетрадей, он все превосходно запоминал. Ему давалась и математика, и он был одним из лучших учеников. Многим своим товарищам по классу он помогал подтянуться то в одном, то в другом предмете. С наступлением летних каникул возвращался домой. Он был высокий, сильный, красивый, с кудрявыми черными волосами и голубыми глазами. В ранней молодости не избегал он игр со сверстниками и посиделок в обществе девушек. А позднее рассказывал, что приходили в то время девчата к его матери и просили: "Тетя Настя, отпусти Мишку на гармони поиграть". И она отпускала. Как бы поздно он ни лег, утром она поднимала его на молитву чуть свет. Ей хотелось, чтобы он женился, и она иногда говорила ему: "Минька, гляди, какие хорошие девки!" А он в ответ: "Да, да..." - но не сходил близко ни с одной. Господь его хранил. Одна девушка долго его любила, потом подошла к нему сама: "А я, - вспоминал отец Михаил, - в ответ прямо сказал о своем желании жить в одиночестве и подарил ей на память икону Божьей Матери".

Дирекция школы направила Михаила на учительские курсы. После окончания их он попал в одну из сельских школ под Тулой. Ученики там были озорные, встретили его насмешками, учились плохо и часто пропускали занятия. Михаил обошел их родителей, но те утверждали, что дети исправно уходят в школу: "Не может быть, чтобы их там не было, где же им быть?". Он случайно открыл их местопребывание. Проходя как-то лесом, обнаружил целый лагерь из шалашей. Прогульщики были здесь. Они встретили его целым градом камней и чуть не забили. Но потом он сумел заинтересовать их учением, создал несколько кружков - дети

перестали прогуливать. Директор этой школы преподавал математику в старших классах, но так был подвержен известной страсти, что пропускал занятия. Тогда приходила его жена и просила Михаила провести уроки за него. Михаил знал математику и поэтому охотно выручал своего директора, о котором не позволял себе говорить ничего плохого. У него в юности была в ходу отцовская поговорка: "Всяк человек с грехом".

Однажды Михаил со своим отцом посетил известного в тех краях старца – архимандрита Иринея, жившего в селе Товаркове, недалеко от их села. К нему стекалось много людей, кто с чем, – старец-то был прозорливый, прикрывавший свой дар юродством. Он перенес тяжкие гонения, был в ссылке, а здесь вел подвижническую жизнь. Позднее, когда он скончался, около его могилы пробился источник, из которого люди до сей поры берут воду с верой в ее целебность. И отец Михаил тоже многих благословлял брать эту воду и молиться у могилы старца Иринея. Так вот приехал Михаил с отцом – у келии старца множество женщин, ждущих приема. Думали, долго придется сидеть. Но вот вышел келейник и сказал:

- Батюшка приглашает богородицкого диакона!

Все стали оглядываться – никакого диакона тут не было, а из мужчин только Михаил да его отец.

- Тебя, тебя, – сказал келейник, позвав Михаила.

Он вошел в домик и взял благословение у старца, а тот весело воскликнул:

- Богородицкий дьячок ко мне явился!

Потом взял с подоконника румяное яблоко, задумчиво посмотрел на него, опечалился и сказал:

- Яблочко красивое, молодое, а внутри гнилое.

Скоро сбудется и то и другое. Второе было сказано о недугах, которыми отец Михаил потом страдал всю жизнь.

В 1941 призвали молодого учителя в армию. Он попал в авиаполк в Ташкент, служил исправно, и его собрались направить на летные курсы. Но вот началась война. Служба его пошла иными путями, и он стал командиром танка. Случалось ему воевать и в пешем строю, и сидеть в окопах. На каждом шагу ему, как и всякому воину на фронте, грозила гибель, но Бог и Пресвятая Богородица хранили будущего пастыря, который ни в каких обстоятельствах не забывал о молитве. Однако испытания ему посланы были тяжкие.

Он был в страшных боях и получил контузию в голову, осколочное ранение в ноги, а правая рука оказалась почти оторванной. Пытаясь добраться до своих, он упал без сознания, а очнулся в походном лазарете, откуда отослан был в один из госпиталей Тулы. Это случилось в начале 1943 года. Лечение было трудным. Ему предложили ампутировать руку, но он отказался, надеясь на помощь Божию. В госпиталях Тулы и Ташкента в течение нескольких месяцев он перенес ряд операций. Руку удалось сохранить, но она стала короче и почти потеряла подвижность.

Во время лечения было у него заражение крови, потом осложнение на почки. Какое-то время он пребывал в неподвижности, почти в параличе. Но все переносил с терпением, благодаря Господа, а как только ему становилось полегче, он помогал другим, утешал тяжелораненых, а иногда пел и тогда собирался и медицинский персонал – послушать его. Конечно, он много думал о своем будущем, однако не дерзал мечтать о священстве с такой рукой. Но вот Господь сподобил его благодатного видения. Привиделось ему, будто он опять на поле брани – стрельба уже отгремела, сам он лежит среди множества убитых, а в тишине идет и наклоняется над каждым погибшим женская фигура в длинном одеянии, с чашей в руке и с ярким сиянием вокруг головы. И он как бы узнал ее – это великомученица Варвара, которая причащала погибших. Когда она прошла мимо него, он спросил, почему она не причащает его. "Ты сам после войны будешь исповедовать и причащать!" – ответила она.

И вот он вернулся домой. Кончилось лето 1943 года. Семья к этому времени переехала из села в Богородицк. Отец, мать и сестра встретили его со слезами радости. Но отец сказал ему: "Теперь ты будь хозяин, а я иду на фронт". И ушел. А с войны не вернулся. Известий о нем никаких не было, на запросы свои отец Михаил ответа не получил. Конечно, отец его погиб. "Какая милость Божия! – говорил впоследствии отец Михаил. – Сначала из семьи был взят на войну один кормилец, а затем другой на смену ему".

В Богородицке он начал работать счетоводом в церкви Успения Божией Матери, куда и он, и семья его ходили молиться. Он не ограничился исполнением работы счетовода, во всем помогал настоятелю, пел на клиросе. Здесь он в совершенстве постиг псаломское дело. В это время произошло с ним одно великой важности событие: он обрел – и на всю жизнь – духовного отца. Это

был иеромонах Евлогий, который прибыл в Богородицк, остановился на частной квартире и начал посещать Успенский храм. Михаил познакомился с ним и сблизился духовно. Отец Евлогий был вдвое старше. Впоследствии он постригся в схиму с именем Христофор и прожил долгую жизнь, пережив и своего духовного сына.

В конце сороковых годов Михаил рукоположен был во диакона и оставлен служить в той же Успенской церкви Богородицка. Тогда же он поступил и на заочное отделение Духовной Семинарии Троице-Сергиевой Лавры. Диакон отец Михаил скоро стал знаменит среди жителей Богородицка своим замечательной красоты голосом, а пел он всегда с глубоким чувством. Крестился же он левой рукой, так как правую не мог донести до лба. По окончании Семинарии ему предложено было жениться и потом рукополагаться во священника. Три раза ему давали срок на женитьбу – месяц, потом полтора и, наконец, два. И каждый раз он отвечал, что хочет быть одиноким.

Шли последние месяцы его диаконства. А на них как раз выпало много искушений. Вот в него влюбилась одна девушка, потом другая, начались наговоры на него – диавол не дремал. Его перевезли из Богородицка в Тулу, оттуда в село Оболенское... Он все ждал, когда его вызовут в епархию, иногда терял надежду. Впоследствии отец Михаил рассказал одной своей духовной дочери, что он тогда в селе Оболенском сподобился чудесного видения. Божия Матерь, которую он всегда глубоко почитал явилась ему в тонком сне и сказала, что он скоро станет священником и будет всю жизнь служить в Епифани. Он тогда и не знал, что это за Епифань, хотя она была неподалеку.

Летом 1955 года вдруг за ним пришла из Тулы архиерейская машина, он уехал, а возвратился целибатным священником. Собрал немногочисленные свои вещи, в основном книги, и отправился в Епифань.

2

Автобус подъехал к остановке – прямо к Никольскому собору. Отец Михаил поставил чемодан и вещи у обочины и огляделся. Собор огромен и пуст – не икон, ни крыши, но, в общем, он цел и даже крест сияет над ним в летнем синем небе. Невдалеке –

остов полуразрушенной Успенской церкви. Внизу, под горой, поблескивает Дон. Улицы в зелени деревьев. Тихий провинциальный городок... А вот и церковь святого Иоанна Крестителя, куда он и приехал. Она действующая, здесь служат по воскресным дням и праздникам батюшки из других приходов, но по ее виду не скажешь, что в ней служат: окна с разбитыми и грязными стеклами, везде отваливается штукатурка, внутри темно и сыро, свешницы деревянные, в иконостасе не хватает икон... Вокруг грязь, не подойти... На счету храма – ни копейки. Старик звонарь насмешливо поглядел на прибывшего священника – молод, хорош собой, завтра же сбежит...

Но священник не сбежал. На другой день начал служить – почти в пустом храме, прихожан было несколько человек. После службы он, пригласив желающих помочь, начал работу по очистке и ремонту церкви. В один из воскресных дней приехала к нему сестра Мария. Она долго его не видела после того, как он уехал из Богородицка. Узнав, что он назначен священником в Епифань, начала она спрашивать людей, что это за Епифань, где, далеко ли? Поехала – оказалось хоть и близко, но добираться трудно. Но каждое воскресенье она начала привозить брату продукты на неделю.

Электричества в храме не было – на паникадиле горели лампы. Это отец Михаил не считал недостатком – наоборот, и до конца своей жизни он так и не провел в храм электричество. В алтаре убирать было некому, и отец Михаил делал это сам. Кроме того, сам же начал поправлять потрескавшиеся настенные изображения Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Во время дождя возле храма образовывалась непроходимая грязь. Отец Михаил нашел помощников, которые таскали гравий и песок, трамбовали их, а потом сделали асфальтовую площадку. Изо дня в день шла работа. Людей прибывало. Явились и плотники и маляры. Кто-то пилил и колол дрова, кто-то возил воду в большом бидоне из дальней колонки.

Приход оживал.

Службы в храме становились все многолюднее.

Скоро отца Михаила узнали не только в Епифани, но и в окрестных деревнях, селах и городах, так как он безотказно ходил и ездил на требы. И с самого начала своей службы принял твердое

правило: не брать за требы деньги. Если они совершались в церкви, то деньги вносились в кассу. Ходил он чаще пешком, даже в деревни, а иногда его кто-нибудь подвозил на машине. Другое его правило, тоже с самого начала: не носить мирской одежды. Поэтому на пути случалось ему терпеть и насмешки. Но он имел смирение и не обижался.

Скоро и за пределами города начали говорить: "Слыхали, какой в Елифани хороший батюшка?" И поехали в Елифань люди – к празднику или к субботней всенощной; оставались на воскресенье. Как пишет духовная дочь отца Михаила Антонина, люди ночевали на полу в церкви, даже не хватало места. В сторожке ночевали кто сидя, кто кое-как лежа. Мало того, летом ночевали на бревнах, строили шалаши, спали на скамейках у могил кладбища и даже на асфальте. Отец Михаил далеко за полночь просиживал с приехавшими, потом в своем подвале молился или играл на фисгармонии, которую ему подарил один прихожанин, и пел – и многие собирались у окна, слушали, затаившись, боясь помешать батюшке. В подвале было сыро, и батюшка иногда выходил в церковный притвор и ложился на лавке среди прихожан. Но чаще всего не спал, а зажигал свой фонарик и беседовал с людьми.

Вскоре построили ему небольшой домик – келлию с крылечком. Образ жизни отца Михаила был совершенно аскетический. Спал он сидя в жестком кресле – диванчик был весь завален книгами, никогда отсюда не убиравшимися. Книги были и в фанерном платяном шкафу (он любил шутить: "Жил один монах, имел много книг, спал на них и не знал, что в них"). Печку он топил редко даже зимой, терпя холод. Был у него письменный стол, за которым он трудился над проповедями, писал письма, занимался канцелярией. Им были написаны два акафиста Спасителю, которые сохранили духовные чада батюшки. В красном углу было несколько икон и аналой. Батюшка считал, что много икон иметь нельзя – надо знать тропарь каждой иконе, имеющих в доме.

"В начале своего служения, - пишет раба Божия Антонина, - отец Михаил завел голубей у храма, сильно любил птиц. Но со временем пришлось от них отказаться, потому что на крышу стали лазить посторонние ребята. Деревья около храма отец Михаил не велел рубить, так как там всегда было много гнезд. И старушки постоянно по его благословению крошили хлеб в тазы и выносили их на кладбище. Однажды один грач свалился, и батюшка его

приручил. Когда он уезжал по каким-либо делам, грач ждал его, а когда отец Михаил приезжал, то каркал сильно, давая известие... Также отец Михаил очень любил котят, и в Елифани при сторожке было их много, а с ним в келлии жил один – Желтик. Если выйдет на улицу, значит следом идет отец Михаил... Однажды, уезжая домой, он сказал ему: "Лентяй!". Так тот поймал двадцать мышей и уложил их на пороге; когда батюшка приехал, то подвел его к ним. Мы смеялись, но отец Михаил смех удерживал чуть заметной улыбкой.

Скоро в кладбищенском храме стало так благолепно, что самое жесткое сердце трогалось умилением... чистота, на иконах вышитые ручники, цветы... Но более всего покоряли людей Божественные службы, которые проводил отец Михаил. Он чудно, задушевно пел, и казалось, все молитвы, стихиры, ектеньи поются на небе ангельскими голосами. Пел не только клирос, которым руководил сам батюшка, но и весь народ. Многих своих чад обучил он и правильному чтению священных текстов – внятному, без ошибок в произношении и ударениях. Его духовные чада и дома много пели и читали, особенно акафисты. Службы всегда были долгими, так как отец Михаил ничего не опускал и не спешил.

Большую славу отец Михаил получил как проповедник. Он тщательно готовился к проповедям, составлял целые циклы, прочитывая при этом немало книг. Прихожане, слушая его проповеди, старались их записывать, но в приблизительной записи они многое теряли – не сохранялось интонаций, идущего от сердца чувства... Были у него циклы проповедей по библейской истории, нравственному богословию, житиям святых, великопостные покаянные... Великопостные проповеди потрясали прихожан более всего, весь храм проливал слезы. Отец Михаил особенно любил и часто цитировал творения Святителя Иоанна Златоуста, великого проповедника покаяния.

Он настойчиво и любовно учил своих уже многочисленных духовных чад каяться на исповеди, беседовал с каждым до тех пор, пока тот не раскроет свою душу с сокрушением о своих грехах; всегда чувствовал, если кто скрывал что-нибудь, и тогда отправлял со словами:

- Иди, подумай хорошенько.

Он был очень строг, накладывал нелегкие епитимьи, но люди из-за этого не отходили от него. Многие ездили издалека, как пишет та же раба Божия Антонина, "люди к нему мчались со всех сторон:

из Москвы, Калининграда, с Дальнего Востока, из Рязани, Липецка, Скопина и свои, ближние, - из Кимовска, Донского, Новомосковска, Узловой, Сокольников – все со своими нуждами и болезнями. И отец Михаил, когда к нему обращались за помощью, не говорил: "Помогу я вам", а отвечал: "Помолимся Господу Богу!", и Господь, слыша его молитвы, исцелял людей и таковых было множество". Отец Михаил исцелял и телесные болезни – Господь удостоил его и этого редкого дара. По молитвам его Господь дал хождение нескольким хромым, что произошло на глазах у прихожан.

У отца Михаила, казалось, совсем не было незанятого времени, но он поступил на заочное отделение Ленинградской Духовной Академии, выезжал туда для сдачи экзаменов и через несколько лет закончил ее. Отправляясь в путь, он надевал поверх ряссы длинное, старинного покроя пальто, камилавку, а через плечо перекидывал мешок с книгами, которые равномерно свешивались на спину и на грудь. В Ленинграде он любил бывать у часовни над могилой блаженной Ксении, тогда еще не прославленной, но чтимой народом. Посещал и Иоанновский монастырь на Карповке, основанный когда-то святым праведным иереем Иоанном Кронштадским, также не прославленным тогда во Святых Божиих. Здесь, в подвальном этаже, была церковь-усыпальница, где покоились мощи праведника, к которым тогда проникнуть было нельзя. Отец Михаил часто приводил отрывки из трудов отца Иоанна Кронштадского в своих проповедях, рассказывал прихожанам о его жизни и о совершаемых им чудесах.

После окончания Академии отец Михаил несколько лет был благочинным ближайших приходов и объезжал их автобусами и попутными машинами. Много ходил и пешком. В этих приходах он проводил службы, и это было счастливым событием для тамошних прихожан, многие из которых, желая услышать его вновь, приезжали в Епифань. Он помогал этим приходам, как правило, бедным, тем, чем мог. Народ его любил. Но батюшки, к сожалению, относились к нему плохо. Иные писали жалобы на Епифанского батюшку епархиальному начальству, случалось, что прибавляли и некие измышления, порочащие его. А время было хрущевское. Церковь терпела новые притеснения. Коснулись они и кладбищенского храма в Епифани.

Прибыла комиссия. Батюшку хотели уличить в том, что он не правильно платит налоги и берет за требы деньги себе в карман.

Однако отец Михаил всегда вел строгий финансовый учет, поэтому смог представить комиссии множество бумаг, находящихся в идеальном порядке. Обвинения в неуплате налогов было снято, что касается треб, то и тут была представлена целая кипа листков, исписанная разными почерками. Эти записки – один из трогательнейших памятников любви к батюшке. Приведу некоторые из них, сохраняя особенности написания.

1. Лично мною, то есть Новиковой Клавдией Владимировной, проживающей в поселке Казановка, Горняцкая, дом 5. Был приглашен священник из епифанской церкви, отец Михаил. Для крещения пятерых детей Борисова Сергея. За крещение он с них ничего не взял. Ввиду тяжелого материального их обеспечения. Так как Борисов С. является отцом 13 детям. Из них 10 ребенков в данных момент на его иждивении. Он в настоящее время пенсионер труда. Я, то есть Новикова К. В., являюсь крестной нескольких детей Борисовой Елизаветы Егоровны. Адрес моей работы: Казановская аптека №1. К. Новикова...

2. Я, Рудаков Павел Иванович, проживаю в поселке Бегичево, по улице Луначарского, дом 19, квартира 10. Моей сестры сын, 16 лет, из поселка Казановки, находясь у нас в гостях в Бегичевском пруду утоп. Так как мальчик Епифанского прихода, то мы и попросили приехать на погребение отца Михаила. Погребение он служил нам бесплатно. И своего ребенка я тоже у него крестил бесплатно. К сему Рудаков...

3. Я, Кулемина Анастасия Павловна, проживаю в поселке Казановка, квартал I, землянка 39. У меня отец Михаил служил погребение и молебен бесплатно и также служил у бабушки Авилкиной, квартал I, землянка 55. К сему – Кулемина Анастасия...

И все в таком духе: бесплатно... бесплатно... бесплатно.

Однажды отца Михаила неожиданно перевели в другой приход Тульской области. Он из послушания, конечно, отправился туда, но прихожане Епифанские поехали в Тулу к Владыке, потом в Москву к Святейшему, писали прошение, собирали подписи, - и батюшку вернули. В другой раз Епифанская церковь была закрыта в течение нескольких месяцев, власти городские надеялись, что навсегда, но Господь не допустил этого, прихожане добились ее открытия, и все пошло по старому. "Много искушений было с властями!" – кратко замечает по этому поводу раба Божия Антонина.

Верующие Епифани уже и не представляли себе, как это можно жить без отца Михаила. Время шло, он начал сесть, аскетизм его стал строже, часто он довольствовался вместо обычной пищи лишь святой водой и просфорой, постился три дня в неделю, носил заплатанный подрясник, зимой надевал поверх телогрейку, в мороз ходил в старой холодной шляпе и без варежек, ботинки у него были вечно худые. Вот такую одежду он любил. Прихожанки храма сшили отцу Михаилу в разное время несколько хороших ряс и подрясников, но никогда их не видели на нем, а только на веревке, когда их изредка выносили из ризницы посушить.

Отец Михаил любил своих духовных чад истинной, евангельской любовью, нес на себе их тяготы и старался помочь во всем, не исключая быта: даже оказывал им внимание, например, посылая телеграммы под праздники подобные полученной рабой Божией Антониной: "Христос воскрес поздравляю праздником желаю молю Воскресшего Господа осветить укрепить наши силы свидетельствовать своею жизнью, что воистину Христос воскрес. Протоиерей Михаил" (воистину срочное сообщение!). Уже после кончины отца Михаила открылось, что он занимался тайной благотворительностью: отправлял деньги и продукты в монастыри, больницы, инвалидам. Некоторым помог в строительстве домов, как, например, кладбищенскому сторожу. Кто-то подарил ему мотоцикл — он отдал его алтарнику.

Когда о. Михаил служил в Епифани первые годы, то от прихожан узнал, что в Новомосковске живет в бедности прозорливый слепенький р. Б. Мишенька с мамой и сестрой. Батюшка пожертвовал им деньги и благословил купить дом в Оболенке, поближе к церкви. /Об этом лично говорила сестра Мишеньки/. В Оболенке о. Михаил посещал этот дом, а иногда посылал туда прихожанок с конвертиком, где лежали деньги. Сестра Мишеньки Мария рассказывала, как возила брата в Епифань, на исповедь. Отец Михаил посадит Мишеньку на стульчик около алтаря, и спрашивает приветливо, держа его за головку: "Мишенька, а может ты ропщешь на Господа, что родился слепым?" Батюшка знал, что Мишенька несет свой Крест мирно, с любовью, с терпением, но хотел это услышать от него лично. Оба они были прозорливые, потому и посылали людей друг ко другу за советами.

Один священник, побывавший в Епифани, под большим впечатлением от служения отца Михаила сказал прихожанам: "Церковь-то у вас маленькая, а светильник большой".

В начале шестидесятых, стала болеть у отца Михаила рука, он сильно недомогал, но в храме служил. Прихожане скоро заметили это, начали уговаривать его прибегнуть к лечению у врачей, а потом почти насильно отвезли в Кимовскую больницу. Он выдержал тяжелейшую операцию, так как кость загнила и пришлось ее ломать по больному месту. А в это время в Епифань приехал служить священник Анатолий из Богородицка. После литургии на молебне он встал на колени, а с ним и весь храм — молились Господу о помощи болящему иерею Михаилу, о благополучном его возвращении в церковь.

Духовные чада отца Михаила осаждали больницу. Приносили ему все, что нужно было, навещали в палате, когда удавалось пройти, передавали записки, стояли под окнами. "Верующим запомнилось, — вспоминает раба Божия Антонина, — как отец Михаил с окна второго этажа, как из облака, благословлял своих чад". Вот такое благоговение испытывали они к своему батюшке. Через несколько месяцев рука зажила и отец Михаил вернулся в Епифань.

К этому времени в храм прислали второго священника, отца Иоанна, человека молодого и семейного (семья у него находилась в Туле). Он прослужил несколько лет, его сменил отец Димитрий, а в 1970 году отца Димитрия сменил отец Иоанн, тоже семейный. Два священника служили по неделям. У отца Михаила появилось свободное время, и он ездил молиться в некоторые монастыри. Особенно полюбилась ему Свято-Троицкая Сергиева Лавра, где его хорошо приняли и наместник, и монахи. Тут еще во время учения в Семинарии появились у него добрые знакомые. С особенной любовью относился к нему схиигумен Селафний. В Лавре отцу Михаилу даже отвели келлию. По благословию наместника он во время пребывания в Лавре, исповедовал верующих в храме.

О том, как проходили в Епифани двенадцатые праздники, с восторгом и болью (оттого, что такого теперь больше нет там) вспоминает раба Божия Антонина, одна из вернейших духовных дочерей отца Михаила. "Отец Михаил, — пишет она, — очень чтит Царицу Небесную и всех призывал к этому, мол, если не будете молиться Богородице, то не спасетесь. Все богослужения, связанные с Ее прославлением и явлением икон (чудотворных) он

вел особенно торжественно и благолепно. Какая бы икона ни прославлялась, будь то Казанская или Владимирская, Тихвинская или Троиручица. Иверская или "Всех Скорбящих Радость", он умилял одинаково песнопением к Владычице, а особенно величанием "Достойно есть...". До сих пор никто так не может пропеть даже простое величание, как пел некогда отец Михаил. А Благовещенские величания "Архангельский глас..." и вовсе никто не умеет взять. Каждый праздник проходил по-своему трогательно и торжественно. В праздник Рождества Богородицы помним глубокие проповеди... А в праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня - дивное пение всем храмом: "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко..." И только при жизни отца Михаила было воздвижение креста на все стороны... Так трогательно это делал отец Михаил больной рукой и со слезами на глазах!.. А в праздник Рождества Христова отец Михаил после всенощной так мудро в полумраке однажды говорил о рождении Богомладенца Христа, что нам казалось, что мы ушли из сей жизни на то самое место, куда указывала звезда. В Рождественскую ночь никогда никто не спал: кто всю ночь молился в храме, а отец Михаил с крестом и Евангелием ночью ходил по Епифани по домам славить Христа, во всех домах горели огоньки и ждали его. Ходил он один, только иногда кому-то из мужчин счастливо пошло пойти с ним, а женщин он не брал. А мы, женщины и молодые девчонки, по его благословению делились на несколько групп и тоже ходили с пением по домам - откуда выходил батюшка, потом шли мы... И целую Рождественскую седмицу после служб отец Михаил ездил по домам славить Христа к своим духовным чадам в ближайшие селения и города. А уж о Пасхе Христовой не найдешь слов, как сказать. Во-первых, отец Михаил говорил, что встретить праздник - это не есть собрать праздничный стол, а надо проникнуть душой в события праздника, очистить душу покаянием. И готовил он нас весь Великий пост... И вот Великая Суббота, освящение куличей, необыкновенное скопление народа у маленькой церквушки. Люди едут на машинах, дают дополнительные автобусы, из деревень едут на лошадях - все в движении. Отец Михаил после литургии надевает старенькую рясу и дотемна ходит и освящает куличи. Канун весь заваливают яйцами, и отец Михаил тут же благословляет раздать их поровну всем, кто помогает в храме... Пасха и вся седмица - рай земной! Пение и ликование! Ни одного

года отец Михаил не оставлял храм в этот день, даже если седмица была не его, - он другого священника отпускал домой, к семье, в Тулу... Все ждали также день Святой Троицы. Из деревни с вечера ежегодно привозили березки, которыми украшался храм, и было, ну, как в лесу".

Отец Михаил постоянно служил панихиды на кладбище - то хоронили кого-нибудь, то поминали, а часто и сам он вспоминал своих чад, которые при нем уже умерли, особенно в дни их Ангелов. В сторожке собирали поминальный стол. Он запрещал говорить о покойниках что-нибудь осудительное, говорил, что они суд свой прошли на мытарствах. А на хвалы умершим не скупился, им, говорил, теперь похвалы не вредны. Позднее, уже совсем больной, он прохаживался у могил и потихоньку напевал:

Спасайся суетный живою,
Спасайся вси друзи,
Сродницы же и чада,
В путь боже иду,
Имже никогда шествовах,
Но приидите помянувше
Мою к вам любовь, последуйте,
И гробу предадите брение мое сие,
И имущего судити мою смиренную душу
Со слезами Христа молити,
Яко да огня измет меня неугасимого.

И вот на этом кладбище появилась могила его матери. Последние годы она жила с дочерью Марной. Они мало заботились о себе, старались хоть чем-нибудь помочь людям. Однажды им обоим было благодатное видение - явление Святителя Николая Чудотворца, который сам много бедняков спас от гибели. За двенадцать лет до смерти Анастасия ослепла, но это не привело ее к отчаянию или бездействию, так как силен был в ней молитвенный дух. Когда приезжал в Богородицк отец Михаил, она просила его петь "Величит душа Моя Господа...". Молитва в доме не умолкала, и тепло было в нем всякой душе христианской. Отец Михаил, бывая здесь обычно в один из будних дней, занимался подготовкой к проповедям, читал всю ночь, люди замечали, что огонек в оконце не угасает...

Однажды батюшка, отслужив свою седмицу, весь вечер посвятил канцелярским церковным делам, а потом пошел в церковь

и молился там до утра один, предчувствуя нечто важное. Утром в понедельник поехал в Богородицк - мать его уже умирала. Попросив у нее прощения, он исповедал и причастил ее и начал читать отходную. Он молился вместе с сестрой на коленях у ее смертного одра, а она сложила три пальца для крестного знамения, но не смогла донести руки до лба.

Отец Михаил привез хоронить ее в Епифань. Он сам отслужил заупокойную. Это было 18 июля, в день обретения мощей Преподобного Сергия. Народу было очень много. Потом ежедневно служил по две панихиды на могиле, возле которой оставил место и для себя. На сороковой день он пригласил тульского Владыку архиепископа Германа, который совершил службу, а в конце ее сказал:

- Епифанские чада! Благодарите Бога за своего духовного отца Михаила, он велик в очах Господних. Делайте все, как он вас учит!

Сменивший Владыку Германа архиепископ Максим тоже уважал отца Михаила. Когда он впервые приехал в Епифань и зашел в храм, батюшки там не было. Владыка осмотрел церковь, увидел всюду вышитые пелены и полотенца, неугасимые лампы на паникадиле и, улыбнувшись, сказал:

- Здесь служит священник старого уклада.

Кто-то из Епифани послал в епархию клеветнические измышления на отца Михаила. Архиепископ приехал, отслужил вместе с батюшкой литургию и на проповеди сказал, что суд Божий постигнет клеветников, а праведники воссияют. Во время этой службы он наградил отца Михаила митрой с правом служить литургию с открытыми царскими вратами до Херувимской (это заранее было утверждено Святейшим Патриархом Пименом). За свою долгую службу отец Михаил получил почти все награды, какие может получить священник. Однако не избежал и гонений в последние годы своей жизни...

В пять часов утра отец Михаил уже шел в храм, неся толстую тетрадь с "помином" и богослужебные книги - служба начиналась в 6 часов 45 минут. Батюшка шел сосредоточенный, глядя поверх голов (народ в храме уже был, так как многие приезжие тут и ночевали). Если он служил литургию, никто не смел подойти к нему, спросить что-нибудь. А когда был "требным", то есть крестил и исповедовал, то народ толпился возле него. Он любил детей -

приласкает, прижмет к себе, поговорит ласково, расспросит о школьных делах, иной раз книжку подарит. "В сентябре, когда дети идут в школу и начинают улетать птицы, - говорил он, - мне делается грустно, вспоминаются прошедшие годы". В начале своего служения в Епифани он еще рассказывал духовным чадам о войне, о своей молодости, но потом перестал, сосредоточился весь на духовном.

К середине 80-х годов здоровье батюшки, и до того не крепкое, начало сдавать. Он стал медленнее ходить, так как ноги начали опухать, труднее стало и дышать: в алтаре открывали все окна... Однажды перед всеобщей случился сердечный приступ, он подумал даже, что это и конец, и взмолился ко Господу и к Пресвятой Богородице, чтобы позволили ему эту всеобщую отслужить, хотя бы ради покойников (была родительская суббота). И отслужил, хотя и с трудом, и все записки, как всегда, прочитал сам.

Прихожане с тревогой смотрели на него - стало темнеть у него лицо, поредели волосы, какие-то бугорки появились на шее - это оказалось серьезным заболеванием лимфоузлов. Он все крепился, не обращаясь к врачам, целиком вручив себя Господу. И вот однажды, идя от могилы матери, он сказал: "Господь меня посетил и известил о последних днях. Храм не бросайте!" Увидев, что одна из женщин заплакала, он строго прибавил: "Не люблю, когда меня жалеют". А в храме бесноватая вдруг закричала: "Скоро, скоро Мать Божия заберет отца Михаила! Над ним золотой венец висит! Ох, как будете плакать!" Батюшка служил в это время панихиду возле кануна, все слышал, но не подал виду.

Стали у него пальцы на ногах и руках неметь. Тут его уговорили обратиться к хирургу, который по воскресеньям приезжал из Москвы к своим родственникам в городок близ Епифани. С великим трудом на автобусе батюшка съездил, побеседовал с врачом. Потом побывал и в Москве, прошел обследование, но лечь в больницу отказался. Не хотел оставлять приход - приближался Петров пост. В это время второй священник слег с инфарктом, и отец Михаил начал служить ежедневно, между службами выезжая в Богородицк на предписанные уколы. Однажды

от неудачного укола у него вздулась и почернела вся рука. И в таком состоянии он не только служил, но и на требы выезжал. Наконец, обнаружен у него был рак крови.

"А все верующие, - пишет раба Божия Антонина, - метались, ища, чем помочь родному батюшке. Кто ездил по монастырям за советами к прозорливым старцам, кто обедни и сорокоусты заказывал, где только можно. Доставали лучшие продукты, готовили все лучшее ему, но он ел очень мало, аппетита у него совсем не стало, и всю еду раздавали людям. Но служба в церкви не прекращалась - это был подвиг. Помним, не читал, а молился душой и сердцем, оглашая акафист благодарственный Господу, где есть такие слова: "Господи, Ты Сам посещаешь больных..." А с каким сокрушением читал акафист Нерукотворному Образу Спасителя: "Господи Боже, Спаситель мой, прииди ко мне погибающему и исцели болезни моя неизцеленныя..." Напрягать голос он уже не мог и если раньше проповеди говорил с амвона, то в последнее время стал выходить на середину храма, чтобы его все слышали". (Второй из упомянутых акафистов был его собственного сочинения).

Однажды, это было уже в мае 1990 года, отец Михаил приехал из Богородицка, хотел служить всенощную, уже облачился - и не смог. Впервые не смог служить. Второй священник его заменил, а он сидел в алтаре на стульчике. С этой поры он почти не мог ходить, его под руки приводили в храм, где он пытался хоть что-нибудь делать, но и речь его стала затрудненной, и память ослабела, так что акафисты он теперь читал, водя пальцем по строкам... Верующие, видя это, потихоньку плакали.

Духовник отца Михаила схиархимандрит Христофор, живший в то время в Туле, сказал: "В Епифане гаснет светильник!" Батюшка не мог поехать к нему на исповедь и исповедовался у второго епифанского священника - отца Иоанна. Узнав о состоянии брата, приехала из Богородицка Мария, привезла "смертный узел" - погребальную одежду. Застала отца Михаила лежащим не в кельи, а на крыльце, на лавке, ради воздуха. Он был очень плох, трудно дышал. Мария наняла машину и увезла брата в Богородицк. Там лежал не вставая, питался протертой клюквой и морковью, был почти постоянно как бы без сознания, но губы его шептали молитвы и по утрам он всю литургию потихоньку пропевал и прочитывал. Сюда приехал к нему схиархимандрит Христофор - ему было около

ста лет, и он уже ослеп. "Кто это видел, - пишет раба Божия Антонина, - все прослезилась. Слепой отец Христофор просил подвезти его к отцу Михаилу, а отец Михаил тоже в забвении ничего не видел, стали наощупь целоваться... Отец Христофор приговаривал: "Сын мой, ты еще молод, должен пожить". Потом он долго исповедовал его".

В июне 1990 года отец Михаил немного оправился, начал прохаживаться по комнате и, конечно, вскоре отправился в Епифань. Служить он все же не смог, но исповедовал народ, сидя на стуле. "А глядел он на всех прощальными глазами", - пишет Антонина. В первой половине июня он иногда совершал проскомидию в алтаре, служил панихиды и молебны, но все это сидя. И вот Господь укрепил его - он дважды служит литургию один, с трудом держась на ногах, часто присаживаясь передохнуть. Голоса у него уже не было, и он все произносил почти шепотом.

Было тепло. Из кельи вынесли диванчик, и отец Михаил после службы сидел или лежал на нем, окруженный чадами своими, беседуя с ними понемногу. В белом подряснике, весь седой, он похож был, как многие замечали, на преподобного Серафима Саровского. Алтарник Николай Фролович ухаживал за ним, помогал встать или лечь - словом, делал для него все необходимое. Батюшка иногда мечтал окрепнуть с Божией помощью, начать служить, читать проповеди, но ему становилось все хуже. 20 июля 1990 его увезли на "скорой" в больницу. Главный врач епифанской больницы хорошо знал и уважал отца Михаила, он отвел ему отдельную палату с двумя кроватями - одна для батюшки, другая для алтарника Николая, который вызвался ухаживать за ним и здесь.

"Лежал он в подряснике и камилавке на голове, почти никогда не снимая ее. Жар его охватывал невозможный. Когда меня благословлял, - пишет раба Божия Антонина, - руки были огненные. Весь август шли к нему потоком. И до службы, и после нее всем хотелось получить у него благословения. Батюшка силами изнемогал, но молился непрестанно и на больничной койке. Посещением людей не гнушался, рад был, что его не забывают".

Скончался он 2 сентября 1990 года. Отец Иоанн, второй священник епифанского храма, так замешкался, что не успел приобщить батюшку Христовых Таин. А старый и слепой отец Христофор сетовал, что не вызвали его из Тулы. И там, в Туле пошел он в храм, пал перед Распятием и взмолился: "Господи, прими с

миром мое возлюбленное чадо!"

Главный врач больницы отвез на своей машине тело отца Михаила в церковь. Великое множество прихожан было на похоронах. Чин погребения совершал настоятель Успенской церкви Богородицка Алексей Резухин. До сорокового дня дважды в день на могиле служили панихиды, собирали и поминальные столы об упокоении души батюшки. На могиле поставили крест с неугасимой лампадой. И начали ходить сюда чада от отца Михаила, прикладываясь к кресту, брать благословение. Он так и сказал перед смертью одному из них: "Ходите на могилку за благословением, как к живому".

Многие, особенно из дальних, после смерти отца Михаила перестали ездить в Епифань. И он начал призывать их туда. Вот приснился одной из женщин как бы находящимся в небе над куполом Епифанского храма – раскинул руки и зовет чада своих: "Вернитесь!.." Одному псаломщику приснился он в монашеском одеянии, с золотым крестом на груди – будто стоит он на горе в окружении множества духовных чад своих... И такой был сон прихожанке: входит она в храм, а там сидит на стуле отец Михаил среди народа. Он спрашивает ее: "Чего ты хочешь?" Она отвечает: "Приложиться к Кресту". Тогда он показывает рукой на кладбище, как бы говоря: "Прикладывайся на моей могилке".

Две женщины поехали из Епифани в Оптину пустынь, чтоб заказать поминание по отцу Михаилу. Вот идут они из Козельска, дождь льет, а дороги они не знают, не спросили никого. И вдруг, откуда ни возьмись – странник, старик с ношей через плечо, похожий на отца Михаила, белобородый. Он и головой подергивал, как отец Михаил, и рука у него одна была короче... Он указал им дорогу и пропал. А в Оптиной им сказали, что был здесь ночью старик, контуженный еще во время войны и с больной рукой... Ну, они обомлели, не зная, что и думать.

После смерти отца Михаила очень горевала – просто до отчаяния – его сестра Мария. А как ляжет ночью в постель, вдруг слышит стук под окном и голос: "Мария! Я тебя не утруждаю, а напоминаю: молись!" А однажды: "Мария! Не плачь! Обретший камень отвален от гроба!"

Многие из чад отца Михаила хранят для молитвенного чтения, написанные им акафисты, фотографии его; у иных есть магнитофонные записи его богослужений, особенно праздничных, – отец Михаил продолжает жить среди своих духовных детей полнотой своего духа, своей жизни, посвященной Богу. Это – русский православный батюшка и, может быть, не столь редкое явление на Руси, как может подуматься. Хорошо ли мы знаем сегодняшнюю Православную Россию, молящуюся в далеких приходских храмах?..

Поздравление с Рождеством Христовым
Письмо о. Михаила рабе Божией Антонине
/Антонине Тимофеевне Головки/

Многоболезненный Антонина л.

Поздравляю с праздником

Рождества Христова!

С нами Бог!

Желаю Вам и моему Господу Богу

возлюбити нашу Спасителя не только
словом, но всею нашею жизнью

Будем всегда с Богом! через помышление
о Нем, через молитву к Нему, через Веру и
любовь, через все же делать угодно Богу
и через то, что нас приближает к Богу.
Будем всегда во Иерусалиме, там где Он был
в нас во всея путьки нашей жизни, приобретаем
благословение Божие и ветви блаженную жизнь

Да дарует нам благодать Божия
бодрость духа, крепости надежды на
Спасителя нашего, там где с истинною совестью
возлюбити Его и быти с нами Вышнего и
участниками Царства Небесного, в
которое призвать нас пришел

Цици Христос!

с любовью и любовью

м. л. л. л.

Продолжайте поздравлять своих родителей.

традиции русского старчества. И нам бы, естественно, хотелось, чтобы он подольше побыл с нами для нашей пользы, нашего спасения, для пользы Церкви Христовой.

На вопрос прихожан - как нам жить? - старец отвечал: "Всегда помните слова Христа, говорящего каждому из нас:

"Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные... и научитесь от Мене, яко кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим". (Мар. 11, 28-29). Основа жизни нашей должна быть Любовь, ибо уста Самого Христа изрекли это: "Заповедь новую даю вам - да любите друг друга"...

И эту главнейшую заповедь Господню отец Христофор с честью исполнил. Он при этом добавлял: "кто исполнит ее - будет и ему хорошо, и тем, кто к нему обращается..." Поэтому с такой любовью и радостью и тянулись к нему люди.

Но вот пришел великий час - Господь позвал его, и мы расстались. Расстались видимо, телесно, но не духовно. Отпевание и проводы старца не походили на обычные мирские похороны. Были и слезы, но они означали любовь и благодарность. А сердце благоговейно трепетало, чувствуя и сознавая, что это великое духовное торжество. Почему?

Да потому что Церковь Христова на земле воинствующая провожала, а Церковь Небесная торжествующая с великой радостью принимала в свои объятия нового гражданина вечности, достойного наследника Царства Небесного. Поэтому день смерти, день успения истинного христианина, каким явился дорогой наш батюшка отец Христофор, есть день духовного торжества и радости - как для самого умирающего, так и для Церкви Земной и Церкви Небесной. И мы, присутствовавшие, в той или иной мере это чувствовали.

Это была вторая Пасха: "от смерти бо к жизни и от земли к небеси" провожали мы достойного человека, "исполненного благодати Божией и всех добродетелей". Храм, так бывает только на Святую Пасху, не вмещал всех молящихся.

Венец жизни старца Христофора был воистину христианским. За три дня до кончины он был соборован и причащен, причащался и в каждый из последующих дней. А в самый день кончины я после Божественной Литургии пришел и причастил его в доме, где он жил. Священник Виктор Захаров, дежуривший там, отвез меня домой. Но только приехал - опять к

нему: через несколько минут мы стали свидетелями его мирной христианской кончины.

В жизни святого Андрея Христа ради юродивого есть такое повествование. Святой был восхищен в райские обители и предстал перед Царем Небесным. Господь дал ему вкусить пищи - вначале очень горькой - и сказал: таков скорбный путь служащих Мне в сей жизни. Потом дал пищу очень сладкую, говоря: такова пища моим служителям, претерпевшим все до конца.

Это пример того, что воистину "Царство Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его". (Мар. 11, 13).

И мы, выражая любовь и благодарность за помощь нам отца Христофора, за его молитвы, благодарим Господа, что имели счастье видеть этот достойный пример христианской жизни.

Умолк для нас голос его, но да изливаются на нас его благословения. Лишены мы его лицезрения, но да сияет в наших сердцах светлое и Христоносное имя его.

Боже Праведный! Со святыми упокой многотрудную и многострадальную душу схиархимандрита Христофора. Жив Господь и жива о Господе душа возлюбленного старца нашего!

Протоиерей Владимир Патрин

Антонина Головки,
духовная дочь о. Михаила

НАРОДНЫЙ БАТЮШКА

1. Пламенно просила исцелить

Я, раба Божия Антонина, стала ездить в Епифань, в храм к о. Михаилу с первых чисел января 1981 года. Почти десять лет я была в радостном духовном подъеме по молитвам батюшки. А началось это так. Я разошлась с мужем и приехала с Украины к родителям с маленькой дочкой. Жили по-нищенски, отец с молодости болел. Я устроилась на завод в г. Северо-Задонске. Года через четыре собралась второй раз замуж - за богатого человека. Чтобы мне

ничего не досталось, родственники с его стороны "сделали мне на смерть". Кто слышал об оккультизме, о связях людей с сатанинскими силами, тот поймет, что это такое.

Если все писать подробно, что произошло, то не каждый поверит. Мне было видение Божией Матери "Нечаянная Радость", как раз 22 декабря 1980 года, то есть в день празднования этой иконе. Я тогда была непросвещенная в вере. Но пламенно попросила Господа исцелить меня и продлить жизнь для воспитания дочери. Дома у меня была только одна маленькая иконка Николая Чудотворца, которому я усиленно помолилась. Трепало меня так сильно, что я перестала есть, вся высохла. На работу ходить не могла. Вызывали много раз "скорую помощь", но когда приезжал врач, то никакой болезни не находил, ведь я была молодая, крепкая. Только врач за дверь, а мне опять плохо. Тут я сообразила и попросила свою маму отвезти меня в церковь в Оболенку на отчитку, заявив, что "мне наколдовали".

На ночлег мы останавливались в очень верующей семье. В ней жили блаженный Миша Слепенький, его мама Евдокия и Мария, сестра Миши. Мать моя их знала по Новомосковску, водила к ним молиться моего младшего брата Виталия, у которого было плохо со слухом. Мы узнали, что батюшка Михаил из Епифани дал им денег на покупку домика в Оболенке и благословил купить поближе к церкви, сам посещал их в этом домике. А Мария привозила брата в Епифань, в храм к о. Михаилу. Вскоре блаженный Миша умер.

- Хочешь остаться в живых, - сказала мне Мария, - поезжай к о. Михаилу. Только он тебе поможет.

Помню, так хорошо звонили колокола в Оболенском храме. Мария объяснила, что это диакон Евгений звонит. Родом он из-под Епифани, деревенский. К батюшке Михаилу с малолетства бегал. И тут заходит сам Евгений, поглядел на меня и говорит:

- Вы завтра ее отведете в церковь и причастите.

Так я первый раз причастилась в Оболенском храме. Все меня жалели, а старушки учили:

- Когда будешь в Епифани, с крепкой верой стой, что о. Михаил тебе поможет.

И диакон Евгений говорил:

- Не унывай и крепись, чтобы враг не радовался.

Потом пригласил к себе в келью, подарил небольшую иконку Владимирской Божией Матери, сказал: помогает от всех врагов!

Помню, как он во время Литургии звонко и трогательно пел молитву "Верую"

2. "Дочурка, иди ко мне!"

В ближайшие дни я и мама поехали в неизвестную Епифань. Вот и Никольский собор, его издалека было видно. Но к церкви св. Иоанна Крестителя шли около маленьких домов и не близко. Служил о. Михаил. Я думала, что увижу военного с раненой рукой. А это беленький батюшка. Такого одухотворенного лица я ни у кого еще не видела. Еще подумала: мне так плохо, значит, батюшка сразу меня будет отчитывать. Оказалось, надо отстоять службу, потом молебен, панихиду, крестины... весь распорядок церковный я узнала в тот день. И только когда все разошлись, о. Михаил вышел из алтаря и позвал меня:

- Дочурка, иди ко мне!

И я расплакалась от его ласкового голоса. На амвоне у алтаря он стал отчитывать. Как он произносил все слова, с каким умилением! После всего, взяв меня за подбородок, сказал:

- Будешь ездить только ко мне, а к разным бабкам - ни ногой.

Жалела ты всех, ошибалась, а теперь надо жалеть тебя. Еще какая хорошая бабёнка из тебя получится.

Спросил, сколько мне лет. А про мужа и другие личные дела всё сам мне рассказал, все по-отцовски. Отчитал он меня с первого раза, мне тут же захотелось поесть, я ожила. От радости, что исцелилась, я хотела батюшке ноги поцеловать и уже встала на колени, но он не позволил. Сказал: бери свою дочку, вместе приезжайте (ей тогда было пять лет).

Мама не могла меня провожать, от семьи не отойти. Положит мне в сумку святую воду (я тогда только ею и жила), да еще паспорт, чтобы я не потерялась. Поездки были частые. Я старалась приезжать в ту неделю, когда батюшка служил. Помню, как о. Михаил читал Благодарственный Акафист Спасителю. Слушала слова "Господи, Ты Сам посещаешь больных..." - и сердце разрывалось от благодарности и благодати.

Благодарственный Акафист - единственный, где в конце нет молитвы. И вот через несколько лет о. Михаил при множестве народа читал этот Акафист, а вместо заключительной молитвы произносил нараспев стихотворение "Гимн Богу". Оказалось, он

сам сочинил это стихотворение, а мы потом переписали. Вот оно.

Творец Благий, Премудрый Вечный!
Тебе, что дышит и живет,
Весь мир созданий бесконечных
Хвалу немолчную несет

Тебе – цветов благоуханье,
Простор полей и шум лесов,
Пустынь смиренное молчанье,
Дыханье бурное ветров.

Зари румяное сиянье,
Журчанье тихое ручья,
И хоры птиц, и льва рычанье.
И труд пчелы и муравья.

Тебе хвалу несут долины,
И бег летучих облаков,
Хребтов угрюмых исполины,
И их вершин седой покров.

Тебе краса и блеск лазури,
Тебе луч солнца золотой,
Раскат громов и голос бури,
И гул, и плеск волны морской.

Тебе стихий союз чудесный,
Созвездий стройный хоровод,
Весь мир земной,
Весь мир небесный
Тебе, Творец, хвалы несет.

Тебе молюся с упованием,
Я – горсть ничтожная земли.
Безсмертная твоим дыханьем.
Ты и моей хвале внимли!

Конец и Богу слава!!!

3. Сила батюшкиной молитвы

- А почему ты не подходишь на исповедь? - спросил батюшка.
- Да я даже не знаю, что говорить, вы все про меня знаете.

Пошла на исповедь. И батюшка уже со строгостью задавал вопросы, а я отвечала, старалась рассказать всю подноготную, без утайки. Исповедь для всех была, как праздник души, когда всё понемногу раскрывалось и уже не давило. В один день о. Михаил сказал:

- Теперь ты окрепла, иди на работу.

- Да как же я пойду? Ведь уже месяц не работаю, и больничного листа у меня нет...

- Иди на работу, а мы за тебя помолимся, - снова сказал батюшка.

К нам домой приезжали с работы, интересовались, что случилось. И вот вызывает меня к себе начальник цеха Владимир Иванович Криворучко и говорит:

- Что угодно может в жизни случиться. Приступай к работе.

И еще 13-ю зарплату выдали и за выслугу лет деньги. И я поняла, что эти радостные для меня события произошли по горячим молитвам ко Господу батюшки Михаила.

Через несколько лет как-то подходит ко мне о. Михаил и говорит:

- Поищи работу поденжее. Дочка подрастает, потребности растут... Только где ее найдешь, такую работу? Но я почему-то была уверена, что все будет так, как сказал батюшка. И правда, моя родственница договорилась с начальником участка на заводе "Алунд" в г. Донском, и я без расчета, переводом перешла на новый завод. Денег стала получать куда больше прежнего. Вот какую силу имели молитвы о. Михаила, народного батюшки из Епифани!

4. "Ты не пой, соловей..."

Отец Михаил много семей привел к вере в Бога. Отец мой был неверующий, хотя труженик и с добрыми делами. Первый раз о. Михаил заехал к нам домой после требы, когда я была на работе. Родители не ездили в Епифань, но встретили батюшку хорошо. Это было в Рождественские дни, батюшка дал пакет гостинцев моей

дочке, прославил Господа и уехал. Мне грустно стало, что без меня. Но вижу, что и за короткую встречу батюшка вселил огонек веры в сердце моему отцу. И поехала я в Епифань, приглашать о. Михаила к нам в гости на Крещение. Он вынес Библию и, благословив, подарил нашей семье. Мне очень дорог этот подарок.

А еще я попросила батюшку на Крещение освятить нашу квартиру и причастить папу Святых Христовых Тайн.

На Крещение я с утра была в Епифанском храме на службе. После службы батюшку атаковали прихожане, всем хотелось поговорить, спросит о чем-то своем... А у меня сердце разрывалось, что никак не уедем из Епифани. Боялась за своего отца, вдруг он не выдержит и покушает до причастия. Но по батюшкиным молитвам отец не ел и не пил до трех часов дня. Приехали мы с верующими. Этот день нельзя забыть, столько он дал нам благодати. Батюшка причастил моего папу (впервые за десятилетия жизни без Бога!), и еще люди увели его на соседнюю улицу, причастить сильно болевшую старушку. Вернулся, освятил квартиру, сидел с нами за столом. Я попросила его спеть духовную песню "Соловей", он не отказывался, и все мы наслаждались, слушая приятный батюшкин баритон:

Ты не пой, соловей,
Возле кельи моей,
И молитве моей
Не мешай, соловей...

А еще батюшка пел "Про Алексея, человека Божия".

- Как я люблю бывать в доме, где бедно, - сказал о. Михаил за столом.

Весной папе стало худо, я поехала в церковь на службу, было Отдание Пасхи, как говорят епифанские жители. Во время елеопомазания я сказала о. Михаилу о состоянии папы. Служба была долгая, время шло, и к нам домой мы приехали уже ночью. Батюшка пособоровал папу, а нам сказал притчей, что все к концу. А мне велел встать перед папой на колени и просить прощения (то есть попрощаться). До воскресения папа почти ничего не ел. И я снова поехала к о. Михаилу, попросила причастить папу на Троицу, то есть в следующее воскресенье. А батюшка ответил:

- Суббота будет родительская.

Вернулась я домой, а отец умер.

И опять еду в Епифань. Вернулась вместе с батюшкой, он отслужил панихиду, благословил верующих читать Псалтирь и еще сказал, что отпевать будет сам. Приехал, отпел бесплатно и произнес такие слова:

- Вот человек не ходил в храм, но покаялся со слезами и вознесся, как христианин. "Не дорог начин, а дорог кончин".

Еще о. Михаил окрестил моего брата Георгия в возрасте 33-х лет. Родились мы все в Мурманской области, условия в те года были другие. В тот же день окрестил его двухмесячного сына и благословил на операцию, так как в роддоме плохо завязали пупок. Операция прошла успешно, теперь он взрослый, закончил в Москве институт. И еще батюшка в том же году, на Михайлов день, обвенчал моего среднего брата с женой его.

5. "Господи, одень крест на моего брата"

А старший брат Валерий совсем был неверующий. Крест не носил, но говорил: вот если бы все такие были, как о. Михаил, то ходил бы я в церковь. Вскоре о. Михаил умер. И старший брат, больной рукой с отрезанными пальцами, сделал два деревянных креста - на могилки о. Михаилу и его матери. Кресты простояли 14 лет. Потом прихожане собрали деньги и поставили новые кресты, более красивые.

Старший брат умер в день своего рождения. Его выписали из больницы, а я вижу - дело плохо. Поехала в Свято-Ильинский храм, горячо помолилась во время службы, затем вся в слезах подошла к Распятию, прошу:

- Господи, одень крест на моего брата! Взяла благословение у о. Василия пойти на Святой источник, где явился Крест. Стояла у Креста и молилась:

- Господи, одень крест на моего брата! Домой приехала, напоила брата святой водой, он наклонил голову и я одела крестик. Еще успела прочитать молитву за ближних - и брат скончался. Вот эта молитва: "Боже, Ты знаешь всё и любовь Твоя совершенна, возьми эту жизнь (имя) в Свою руку, сделай то, что я жажду сделать, но не могу". Я уверена, что и батюшка Михаил молился перед Престолом Господним за моего брата, это по его молитвам Господь сделал так, что он умер с крестом. Отпевал его о. Василий в Свято-

Ильинском храме. А батюшка из Оптиной пустыни сказал мне потом: "Это считается христианской кончиной".

6. Штрихи к портрету батюшки.

Помню такой случай. Сажу на скамейке у могилки и пишу на двух листах свои грехи. Похуже грехи на один листок, а попроче на другой, для о. Михаила. А то, думаю, он узнает все плохое про меня и не станет любить. И тут неожиданно подходит ко мне о. Михаил и говорит:

- Чтобы, твоя душа, чадо, не погибла из-за меня, поезжай в Сергиев Посад, исповедуйся там.

Я, конечно, удивилась, как батюшка духовно прозрел все мои тайные мысли. Но все исполнила, поехала в Сергиеву Лавру, да подошла там к молодому священнику и утешения на исповеди не нашла. И вернулась к батюшке с раскаянием.

Из Скопина ездила к о. Михаилу молодая девушка Мария, она была беременная. Батюшка дал денег, сказал: "Купите для мальчика все необходимое". Он предсказал, что у Марии будет сын. И мы все верили, что так и будет. Работница церкви Анастасия купила на эти деньги детское "приданое" и даже рубашки в клеточку, то есть мальчуковые. Мария назвала сына Мишенька, в честь духовного отца. Потом у этого Мишеньки я стала крестной матерью.

Одно время старостой в храме стала работать раба Божия Лидия из Кимовска. Она была большого роста, и нога у нее не маленькая. Однажды она пригласила к себе о. Михаила. И он, когда уезжал, обул ее ботинки, а свои оставил. Она плакала от благодарности, понимая, что сделал это батюшка для исцеления ее больных ног.

Когда о. Михаил сильно заболел, то целую неделю не снимал обувь, замки-молнии на ботинках не открывались. Мы видели, как он шел по церкви, а с ботинок лилась вода, так сильно отекали у него ноги. Верующие попросили алтарника Николая Фроловича разуть батюшку. Он вынес ботинки, и уборщица Надежда умылась с них, а я забрала носки для исцеления.

Великий пост о. Михаил проводил очень строго. В храме все

менялось.

Помню, на Прощеное Воскресенье он вышел из церкви и пропел нам:

Напой, христианка, холодной водой
Страдальца, который стоит пред тобой.

Так он даже мимоходом, двумя стихотворными строчками, старался вложить в души своих прихожанок подобающие Великому посту чувства.

На поселке Каменецком жила убогая старушка р. Б. Евдокия. Мы ее звали "Евдокия с палочками", потому что без палочек она ходить не могла. Она была ровесница о. Михаилу, и как-то рассказала мне вот что. Когда о. Михаил был молодым, он рассказал, как стал священником. В то время в Туле служил архиепископ Пимен, будущий Патриарх. А Патриархом был Алексей 1-й. Он, Патриарх, и рукополагал в священники о. Михаила. Раба Божия Евдокия считала, что поэтому на о. Михаиле так много благодати.

Когда батюшка отошел ко Господу, женщины, которым было поручено сообщить мне об этом, почему-то не сообщили. Я пришла с ночной смены, но спать не ложилась, сердце предчувствовало беду. Поехала в Елифань. Батюшку только что похоронили. Два дня я плакала, кричала на его могилке. Потом до сорокового дня ездила после работы на панихиды. Панихиды служились ежедневно, два раза в день собирали столы кормить народ. В то время с продуктами было плохо, выдавали по норме, но для о. Михаила давали всё.

На сороковой день народу в храме собралось много. Ждали духовенство. Мы, трое прихожанок, убирались в келье батюшки - я, Люба из Фрязино и Феодосия Ходова, псаломщица из Рязанской области, все духовные чада о. Михаила. Когда вошли в келью, первое, что я увидела, было большое Евангелие, высотой в 1 метр. Священная Книга стояла на диване, ее своими руками переплетал о. Михаил. Потом это Евангелие и митры подарили благочинному о. Сергию из Ясной Поляны (Тула). Рядом висели дорогие тулупы, которые привозили батюшке в подарок духовные чада с Севера. Сейчас тулупы были с обгрызенными подолами, да и по всей обстановке было видно, что крысы здесь частые гости. Так мог жить

только святой человек! Ничего ему не надо было мирского...

Однажды на работе я получила травму. На третий день Пасхи оторвало 2 пальца на ноге, висели на ниточке. Положили в больницу. Когда выписали домой, ходить дальше квартиры не могла. Снится сон: на могилке отца Михаила лежит икона-слепок святителя Николая из Епифанского храма. Когда я приблизилась, икона поднялась и пошла в церковь, я следом. А в церкви Николай Угодник уже был в архиерейском облачении, стоял посреди храма с крестом и народ подходил и прикладывался к кресту. Отец Михаил пламенно славил Николая Чудотворца, тому и нас учил.

Свидетельствую: икона-слепок Николая Угодника в Епифанском храме – чудотворная. Свидетельство мое основано на факте.

Проснувшись, я поняла, что это мне вразумление. Нашла костыль и с трудом поехала в Епифань. Там положила ноги на могилку о. Михаила и почувствовала облегчение. Домой вернулась без костыля. Было это 22 мая, на Николу Вешнего.

Как-то с рабой Божией Ниной из г. Донского ночью мы видели на могилке батюшки большого белого голубя. Мы подошли, и он взлетел в небо.

Восемь лет назад мне снова сделали "большую порчь". Едва живую, дочь Ольга отвезла меня в Оптину пустынь. Там я пробыла неделю, причастилась. Старец о. Илия, который вел отчитку в Оптиной пустыни, был в отъезде, и меня благословили ехать к о. Герману в Сергиев Посад. Там мы жили до Успения.

Кто-то сильно постарался послужить диаволу, такую мне нанес порчь, я еле жива осталась. Там, в Сергиевой Лавре, я увидела во сне, как о. Михаил поспешно бежит из церкви в церковь. А на отчитке я два раза вьявь видела, что около о. Германа стоял о. Михаил. Молитва шла усиленная. Я потом сказала о видении о. Герману, о том, что мой духовный отец был подвижник.

Года два спустя в тонком сне я видела их на небе: стоят рядышком, оба в золотых ризах. Большими трудами и подвигами шел о. Михаил ко спасению, а теперь подобным путем идет о. Герман.

Весной, Великим Постом, я снова была в Сергиевой Лавре.

Решила сходить и на отчитку. Сколько же люду мучается, особенно дети от компьютеров! (Узнала со слов родителей – делились). После службы я подошла к о. Герману за советом: что делать, на ноге у стопы уже около года сидит волдырь. А батюшка в ответ: приходи на отчитку и молись. Когда я приехала домой, волдыря уже не было, а на его месте вылез черный волос, сантиметров десяти длиной. И я вспомнила, как около года назад утром вышла из дому, а мне кто-то подстелил чужой коврик под дверь...

Великое спасибо тебе, отец Герман, за молитвенную помощь!

7. О Блаженном монахе Алексее

О блаженном монахе Алексее, Христа ради юродивом, я слышала давно, но не встречалась. Как-то в Сергиевом Посаде, когда я подавала записки в Трапезном храме, один монах мне сказал:

- Подойди к своему земляку.

Я оглянулась и увидела блаженного Алексея в женском платке на голове. Подошла, назвала себя и он ответил:

- После службы, после службы...

Было это уже после смерти отца Михаила, которого блаженный Алексей хорошо знал и любил. В тот день мы хорошо поговорили, я задавала вопросы, для меня важные, и на все блаженный Алексей дал ответ. Потом он послал меня к отцу Кириллу, но я уехала домой.

Спустя некоторое время попросила меня р. Б. Евгения (сейчас схимонахиня Афанасия) съездить с ней к блаженному Алексею в деревню Приезды, что под Тулой. И мы ездили много раз. Деревенская обстановка, все бедно, но сколько благодати! Душа моя тянулась туда не меньше, чем в Епифань. Как-то мы с блаженным Алексеем ели из одной чашки похлебку. А еще ходили с ним в магазин за продуктами. Однажды привезла свою дочь, он поглядел на нее и предсказал болезни. Ей тогда было лет семнадцать, но позднее действительно все это пришлось пережить. Всегда блаженный Алексей провожал до дверей и благословлял.

Помню, приехали в очередной раз, идем к знакомому домику и вдруг сердце ёкнуло: рядом - обгорелый дом! Мария, старушка, у которой жил Алексей, рассказала, как он выбежал на улицу, поднял руки к небу, стал молиться, и ветер отнес пожар в сторону от их домика. Я пригласила блаженного монаха Алексея к себе домой.

Покормила, позвала верующих для беседы, и мне он предсказал нужное. Потом мы на ночном поезде отправились в Москву. Был Успенский пост, рядом сидящие люди ехали на свадьбу, и он сказал:

- Пост, поженятся, а потом разойдутся.

- Спрашивайте у него, что хотите, - сказала я окружающим. И он всем отвечал.

Одет блаженный Алексей был в монашеское и женский платок на голове. Кто-то смеялся над ним, не понимая, а кто-то глядел с удивлением и уважением. А мне быть рядом с ним было за гордость. Он был болящий, а память очень хорошая. В Москве мы побывали в Донском и Даниловском монастырях. Потом повез меня в храм Пресвятой Троицы, так далеко я бы одна не добралась. Встретили там нас радушно, покормили, а блаженному Алексею дали денег на дорогу. И мы поехали в Сергиев Посад. Хотели и в Санкт-Петербург съездить, к блаженной Ксении, да он заболел. Я ему подарила бархатную шапочку и старую ризу, оставшуюся от отца Михаила Епифанского. Алексей был доволен, он очень чтит батюшку Михаила. А батюшка, при встрече никогда не отпускал блаженного монаха без милостыни.

8. Про отца Иринея

Батюшку Иринея (в дальнейшем - схиархимандрита Иринарха) я не знала. Но слышала от о. Михаила, как он посетил его с двумя архиереями. Рассказ об их беседе уже не помню. После о. Михаил говорил, что о. Иринея за веру православную сидел в тюрьме. За трапезой он всегда усиленно молился. Заключение стали роптать: где он сидел, там было много еды. Его пересаживали за другие столы, батюшка благословлял пищу - и все умножалось.

Послали о. Иринея работать на лесопилку. Ростом он маленький, худенький, а там бревна в два обхвата, где ж ему с ними справиться? Заключение над ним потешались: сейчас цирк будет! А о. Иринея помолится Господу, и бревна подчинялись ему, работа шла полным ходом. Потом тюремные власти сказали:

- Если выполнишь одно задание, то из тюрьмы выпустим.

На глаза о. Иринею сделали черную повязку, запалили большой костер и подтолкнули - иди! Батюшка помолился и прошел сквозь костер невредимым.

В послевоенные годы о. Иринея жил в селе Товарково

Богородицкого района. Он предсказал, что там, где его похоронят, будет стоять церковь. Я ездила на могилку батюшки, ходила за святой водой на его источник. И вдруг однажды вижу: стоит церковь около кладбища. Говорят, сам Патриарх приезжал ее освящать.

Лет двадцать назад, когда в Епифани служил о. Михаил, в храме работала раба Божия Зинаида Хренова из Кимовска (теперь она монахиня Феофания). "Как-то зашел в наш храм приезжий мужчина, - рассказывала матушка Феофания, - купил свечи и говорит мне: я вашего батюшку помню еще молодым. Вернувшись с фронта, он прямо с вещмешком приехал к о. Иринею за благословением на жизненный путь. И батюшка Иринея предсказал солдату, что он будет строгий священник".

9. Отец Христофор

Отец Христофор помогал нам во многих делах, я его знала, когда он еще не был слепым. На Пасху мы с верующими поехали на торжественную службу с о. Михаилом в Тулу. После службы ждали благословения. Первым вышел о. Христофор. Он подошел к моей дочери Ольге, дал ей красное яичко и сказал: "Ангельская душка!"

После смерти о. Михаила я три раза была дома у его духовного отца Христофора и два раза на его службе. По его молитвам моя дочь поступила в институт в Новомосковске и успешно его окончила. Батюшка благословил меня съездить на могилку блаженной Матронушки в Москву, на Даниловское кладбище. Сказал, что она молится за тульских.

Некоторые люди злословили о. Михаила после его смерти, меня это опечалило и я поделилась с о. Христофором. А он сказал:

- Кто это выдумал? Отец Михаил тяжкими трудами заработал себе местечко в Царствии Небесном! А о злословящих молись, но с любовью.

Когда мне сообщили, что умер о. Христофор, мы с дочерью тут же поехали в Тулу, в церковь св. Дмитрия Солунского, где он служил. Теперь среди церкви стоял гроб с телом батюшки. Но уныния не было. Ощущение было такое, что стоим возле святого, изливающего благодать на всех окружающих. Хоронили батюшку на кладбище Венева монастыря, по его завещанию. На похороны приезжали монахи из Оптиной пустыни. Когда его отпевали,

слетелось столько птиц, такой стоял щебет, что временами заглушал хор из монахов и священников.

У нас в семье мы часто вспоминаем батюшку Христофора. Когда я первый раз пришла к нему домой, то увидела столетнего святого старца. По спине пробежал холодок. Вокруг множество старинных икон... и что можно сказать: это земной рай!

Батюшка Христофор благословил меня писать воспоминания про о.Михаила и о.Иринея. Прости меня, батюшка, грешную рабу Божию Антонину, что с недостаточным рвением исполняю это послушание.

Аминь.

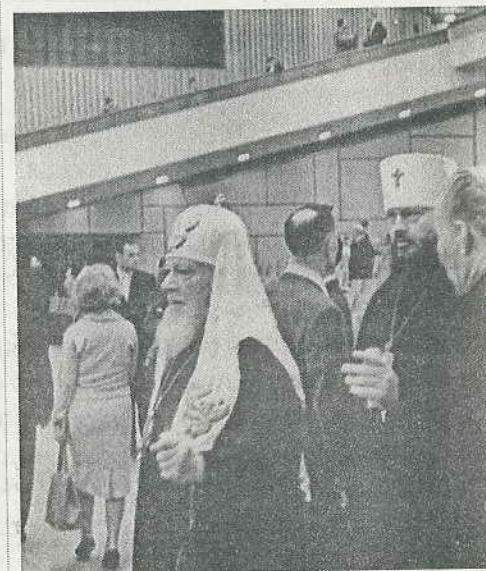

Раба Божия Антонина Головка
у могилки старца Христофора
на кладбище Венева монастыря

Могилка Христа ради юродивого
блаженного монаха Алексея
в с.Оболенское возле храма

Отец Герман из Сергиевой Лавры

Патриарх Алексий I,
который рукополагал о.Михаила
во священники

Диакон Евгений, служивший в Оболенском храме

Поглядим на фото, вспомним батюшку...

1. 1943 год. Таким двадцатилетний командир танка Михаил Чудаков вернулся из госпиталя.

2. о. Михаил (справа) у родительского дома в Богородицке.

3. о. Михаил и голуби. Во дворе Епифанского храма.

4. Детская молитва.

5. Москва. Встреча со священниками - ветеранами Великой Отечественной войны в честь 45-летия Победы.

6. о. Михаил берет благословение.

7. о. Михаил со своими соратниками (имена, к сожалению, неизвестны).

8. Пасха в Епифани.

9. о. Михаил освящает куличи.

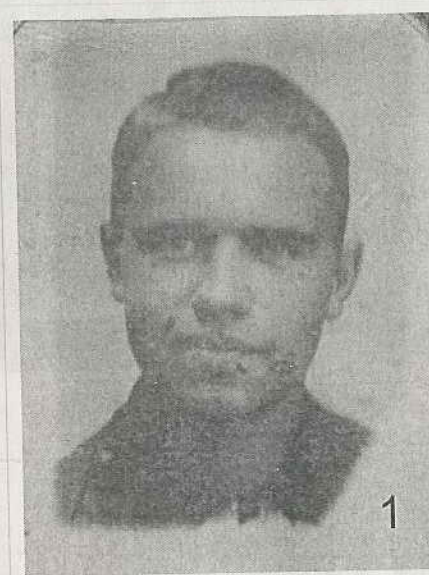
10 - 11. Архиепископ Тульский и Белевский Алексей в Епифанском храме Иоанна Предтечи. 7 июля 2005 г.

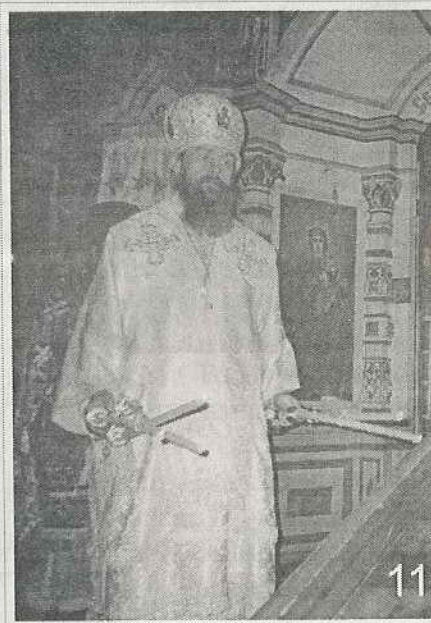
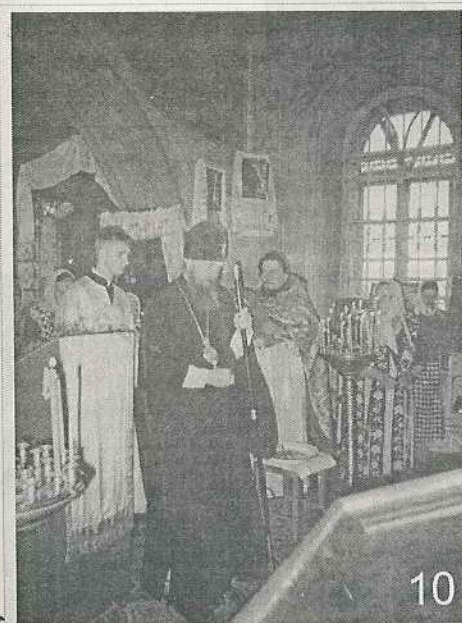
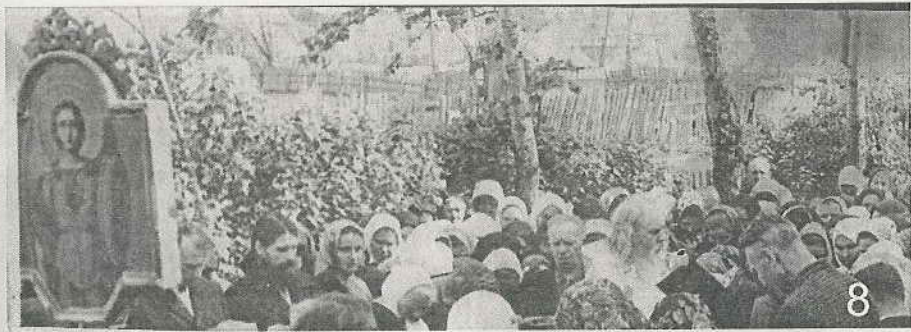
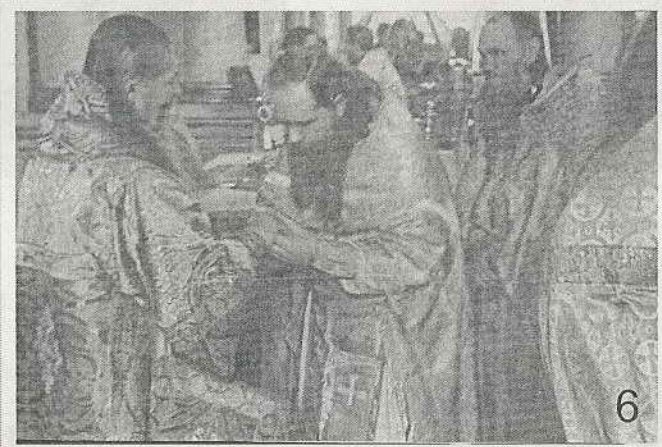
12. Схимонахиня Афанасия. Ее, уже взрослую, крестил батюшка Михаил.

13. Раба Божия Ольга, которая выросла под присмотром о. Михаила.

14. Праздник святой Троицы, 2005 год. В Епифанском храме Иоанна Предтечи служит игумен Силуан.

15. И за праздничным столом вспоминают о. Михаила ...

В ГОСТЯХ У ДУХОВНЫХ ЧАД

Беседа с Анной Дмитриевной Куликовой
об о. Михаиле Епифанском

В храме "Нечаянная Радость" одна прихожанка познакомила меня с рабой Божией Анной, Анной Дмитриевной Куликовой. Ей под восемьдесят, а она подвижная и разговорчивая. "Быстроговорящая", вспомнил я определение еще одной прихожанки. Когда после службы я попросил Анну Дмитриевну поделиться воспоминаниями о батюшке Михаиле из Епифани, она охотно согласилась, и мы стали искать местечко потише.

- А поедете ко мне домой, - решительно заявила Анна Дмитриевна. И мы отправились на автобусную остановку. Еще дорогой она стала вспоминать про о. Михаила, высыпала на меня ворох интересных подробностей, и я жалел, что сразу не наладил свой диктофон, который только что приобрел и в своей журналистской практике еще не использовал. Но одна деталь хорошо запомнилась: "Отец Михаил зарплату делил на три части: одну - церкви, одну - на помощь бедным, и одну - себе". И уже от одного этого Епифанский батюшка стал для меня симпатичным, даже близким.

Приехали. Хозяйка тут же захлопотала на кухне с чайником, взялась меня кормить, чем Бог послал. Расспросы о моей жизни, рассказы о своей, о поездках по монастырям перемежались воспоминаниями про батюшку Михаила.

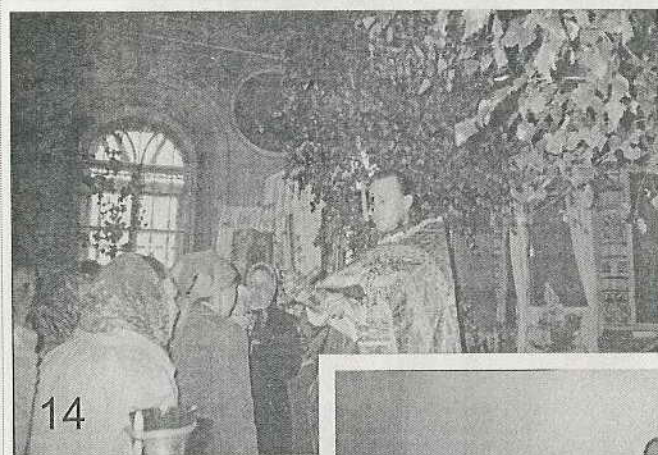
- Очень ревнитель был большой ко Господу Богу. Трудолобец. А вот маму свою никогда сам не исповедовал. Приедет к ней в Богородицк, возьмет под руку и отведет в храм, к другому священнику, который ее и исповедает, и причастит. Сейчас

12

13

14

15

прихожанок. А сторожка маленькая. Батюшка распорядится:

- Кто в возрасте, пусть ночуют в сторожке. А кто помоложе - в церкви. Будем там с вами Богу молиться.

И ночь-то проскочит, не заметишь как. И усталости не чувствовали, все с батюшкой было легко. А то еще вечерами беседы с нами проводил. Старушки окружают его, он им на вопросы обстоятельно отвечает. Мне тоже хочется что-нибудь спросить, вот я и вылезу вперед. А батюшка тронет меня за плечо, скажет: "Ты посиди, послушай". Не знаю, почему так говорил, но говорил часто: "Ты посиди, послушай". Наверное, хотел, чтобы я от людей мудрости набралась. Помню, одна молодая вроде меня просит:

- Батюшка, помолись за меня!

- А сама что будешь делать? - отвечал о. Михаил. - Заказала сорокоуст, прочитала несколько псалмов - и сидишь, ножками болтаешь, вроде ты уже в Царствии Небесном?

Он это умел - образумить словом. Так скажет, так подковырнет, что со стыда не знай куда деваться. Но тут же и утешит. Однажды сказал:

- Как трудно быть священником, который всё видит! Как мне вас всех жаль...

Он вообще был очень любвеобильный человек. Строгий, но всегда шел навстречу, всегда оказывал помощь. А как он за нас, духовных чад, молился! Многие и на расстоянии это чувствовали. Болезни наши исцелял. У одной рабы Божией так ноги разболелись, она ходить не могла. В храм ее привезли. Батюшка подошел, протянул ей руку:

- Ну что ты, Люба, давай руку, пойдем вместе.

Она встала и пошла.

А то была среди нас еще одна прихожанка, мы ее между собой в шутку называли "Маша-костыляшка". Подходит она ко кресту, батюшка ей: "Брось костыли!" На следующий раз она опять с костылями. Он строго: "Брось костыли!" Он ей послушание давал, а она не послушалась, духовного отца слушаться надо, иначе толку не будет. Батюшка и в третий раз говорил ей "Брось костыли", и еще что-то, я уже не помню. В то время на меня тоже болезни навалились. Желудок на грани рака, приступы боли в печени. Врач моему брату говорил (хороший был хирург у нас на Севере): нужна операция, у меня нет такого препарата, чтобы ее спасти. А я не согласилась на операцию, надеялась на о. Михаила, верила, что по

его молитвам болезнь от меня отступит. И вот видите - жива! Батюшка как-то напомнил:

- Помнишь, Анна, как ты по лавке от боли каталась? В церковной сторожке...

Конечно, помню, разве забудешь. По молитвам батюшки Господь и продлил мою жизнь.

- Анна Дмитриевна, я слышал, вы на клиросе пели в Епифанском храме?

- Я и сейчас там пою.

- Как это все началось, расскажите.

- Да вроде бы как-то само собой сложилось. Голос у меня звонкий, вот я и была заводилой да запевадой на наших посиделках возле храма. Молитвы, псалмы, духовные стихи - все схватывала на лету. И вот поехали мы с группой прихожанок в Данков, на похороны священника. Там мне, по просьбе подруг, дали читать Евангелие на клиросе. Священник о. Григорий чтение одобрил. Вернулись в Епифань, я осмелела и говорю о. Михаилу:

- Батюшка, может, мне на клиросе можно петь?

А в то время псаломщицей в Епифанской церкви была раба Божия Н., человек привередливый. Ну, такой характер дал Господь. Она никому не давала ни петь, ни Евангелие читать, всё только сама. Вот батюшка и говорит мне:

- А с псаломщицей будешь ладить?

- Да чего нам с ней делить. Поладим.

И о. Михаил благословил меня и мою сестру петь на клиросе. Сестру другие женщины пугать стали: "Там, на клиросе, столько всяких тонкостей, столько всего знать надо! Смотри, ошибешься в чем-нибудь, опозоришься". И она не пошла на клирос, а я пошла. Потом сестра снова подходила к батюшке, просила благословить петь, а он сказал:

- Я два раза не благословляю. Теперь стой вот здесь, у клироса, рядом с иконой Николая Угодника. Стой и запоминай, как другие поют и читают.

Со временем и сестра перебралась на клирос, встала рядышком. А батюшка как-то признался:

- Со мной трудно служить. Чтобы ни одной ошибочки ни в пении, ни в чтении! Но вы, сестры, экзамен выдержали.

Когда о. Михаил был жив, мы его воспринимали, как старшего

брата, или отца. И только после его смерти осознали, какой духовный светильник был рядом с нами!

Прослушивая вновь запись беседы, я обнаружил там еще несколько кратких эпизодов об о.Михаиле, рассказанных его духовной дочерью р. Б. Анной. Ими мы и завершим наш очерк.

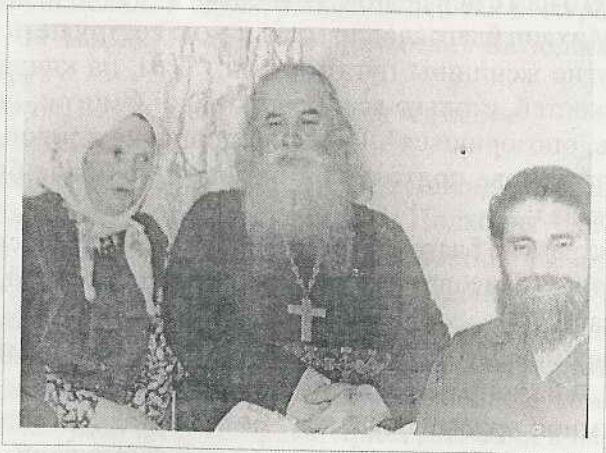
"Казановка, Кимовск, Донской, все шахтерские поселки, все села в округе - это всё батюшкин приход. Кто звал приехать, никому не отказывал. Приедут за ним - хорошо, не приедут - он на рейсовом автобусе добирался, вместе с народом тискался, часто с пересадками. Хотя был инвалид войны, но проездной постоянный себе так и не оформил. Говорил: что людям, то и мне".

"Всякую неправду воспринимал очень эмоционально. Если увещевания не помогали, он мог такие слова человеку сказать... Нет, не ругательства, а просто и веско, так что в мозгу у человека начинало проясняться".

"Людей батюшка Михаил видел насквозь, как говорится, до самого доньшка. Иногда скажет: сегодня в церкви молились всего два человека. А в другой раз: восемь человек сегодня ко Кресту подходили. Спросим, бывало:

- А остальные?

- А остальные... стоят в храме, а мыслями и душой в другом месте. Ах, чада мои любезные, как мне всех вас жалко!"

На снимке: Отец Михаил в гостях у духовных чад.
Слева от батюшки - Мария Ивановна Окорокова, мама Анны Дмитриевны;
справа - алтарник Елифанского храма Николай Фролович.
Фото 70 - 80-х годов прошлого века.

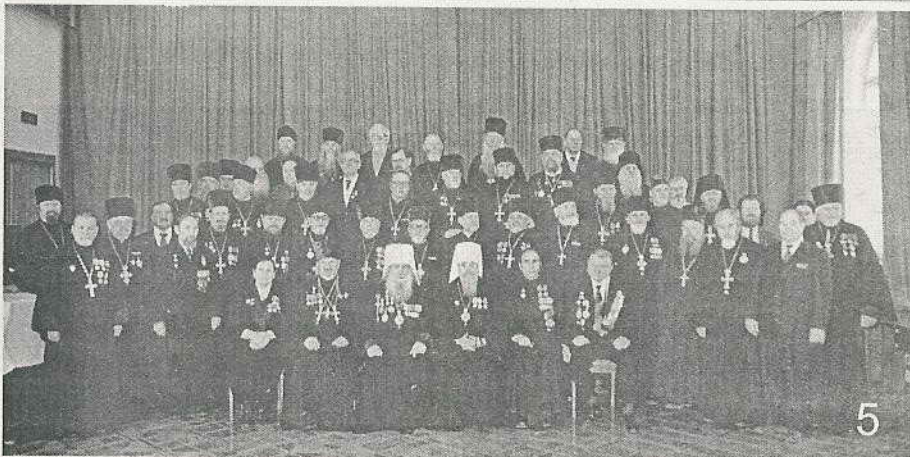
ВО СЛАВУ БОЖИЮ

Дорогая редакция!

Господь удостоил меня со старшим сыном увидеть протоиерея о.Михаила один раз в жизни. И случилось это в особенный для нас день - день крещения. Было это в июне 1989 года, мне было 27 лет, сыну - 6. Ближайший храм к Новомосковску - в Елифани. Выехали мы очень рано, но когда приехали, солнце светило вовсю, было жарко. Заканчивалась служба. Готовящихся ко крещению собралось много, и нас повели не в крестильню, а в храм. Там так красиво: всё в зелени, березки, повсюду трава...

Хотя мы и волновались, но в душе поселилась радость. И вот вышел священник, стал говорить напутственные слова. К сожалению, ни лица его, ни слов, обращенных к нам, я не помню: всё таинство крещения, прошло как на одном дыхании. Но тихая радость и свет, исходящие от этого человека, навсегда сохранились в моем сердце.

С уважением раба Божия Н.

Приложение №2

к журналу

Свято-Ильинский Храм

Отец Михаил Спифанский

КНИГА ОЧЕРКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ

Часть I

Новомосковск, 2007 г.

Отец Михаил Чудаков (в центре с бородкой) среди выпускников Ленинградской Духовной Академии

1